

УДК 1(091)

DOI: 10.34670/AR.2022.49.43.001

Пенитенциарная идея в нравственной философии Владимира Соловьева

Фивейская Людмила Владимировна

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и истории,
Вологодский институт права и экономики ФСИН России,
160002, Российская Федерация, Вологда, ул. Щетинина, 2-а;
e-mail: liudfiv@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются базовые принципы учения Владимира Соловьева об уголовном наказании в контексте его нравственной философско-правовой концепции, анализируются особенности применения диалектического метода в исследовании сущности преступления и наказания, раскрываются философские и теологические основы нравственного обоснования отношения общества к преступнику, рассматривается структура и этапы уголовного наказания. Нравственная трактовка наказания лежит в основе идеи исправления преступника как основной целевой и содержательной составляющей наказания. Вл. Соловьев подвергает критике карательную доктрину наказания, показывает неудовлетворительность современной ему практики назначения наказания и обосновывает необходимость поэтапного его осуществления, предполагающего изменение наказания в ходе его исполнения. В связи с этим пенитенциарные учреждения рассматриваются им как основное звено в осуществлении целей наказания. Гуманизация целей наказания с необходимостью ставит вопрос о существенном реформировании пенитенциарных учреждений. Вл. Соловьев намечает основной вектор реформы системы исполнения наказаний, подчеркивает необходимость привлечения в УИС широкого профессионального спектра сотрудников, их высокий нравственный статус. Учение Вл. Соловьева о наказании анализируется в статье на основе текстов его произведений «Оправдание добра. Нравственная философия», «Право и нравственность. Очерки из прикладной этики». Материалы статьи представляют интерес для специалистов в области истории философии, философии права, истории правовых и политических учений, теории государства и права, а также могут быть использованы в образовательном процессе.

Для цитирования в научных исследованиях

Фивейская Л.В. Пенитенциарная идея в нравственной философии Владимира Соловьева // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 6B. С. 212-221. DOI: 10.34670/AR.2022.49.43.001

Ключевые слова

Владимир Соловьев, философия права, право и нравственность, преступление, уголовное наказание, пенитенциарная практика, пенитенциарная реформа, гуманизация исполнения наказания.

Введение

Вл. Соловьев вошел в историю философии прежде всего как религиозный мыслитель, мистик, автор оригинальной философской концепции всеединства. Вместе с тем «он является блестящим и выдающимся представителем философии права» [Новгородцев, 1991, с. 525]. Вопросы права поднимаются им в ряде философских и публицистических произведений, но в концептуальном плане интерес представляют два из них: «Оправдание добра», дающее целостную картину развития общества как высшей ступени в процессе нравственного совершенствования мирового порядка, и «Право и нравственность», тематически сосредоточенное исключительно на философском анализе как феномена права в целом в его генетическом и сущностном аспектах, так и отдельных областей права, в том числе уголовного. Как и вся философия Вл. Соловьева, его учение о праве носит демонстративно этический характер, и именно эта его особенность стала предметом острых дискуссий среди современников и неизменно привлекает интерес современных исследователей [Геращенко, 2018; Корнев, 2021]. Несомненно, проблема соотношения права и нравственности – одна из ключевых в понимании сущности права, то или иное ее решение в значительной мере определяет подход к исследованию права, тип правопонимания в целом. Однако в общем контексте философско-нравственного учения о праве Вл. Соловьев высказывает идеи, относящиеся к специальным областям права таким как судопроизводство, уголовное и уголовно-исполнительное право и др. В его философии права мы находим достаточно цельное учение о преступлении и наказании, своего рода идеальную этико-философскую модель, раскрывающую сущность, цель и оптимальные формы реализации наказания, а также организационные принципы пенитенциарной системы. Эта сторона учения Вл. Соловьева мало разработана, вместе с тем она представляет интерес как для философов, так и для специалистов-правоведов. Философский интерес определяется, несомненно, последовательным проведением нравственного принципа в трактовке не только права как такового, но и в раскрытии сущности конкретного правового феномена – уголовного наказания. Для специалистов-правоведов идеи Вл. Соловьева задают своего рода мировоззренческий каркас, где наказание, наряду с другими правовыми явлениями, вписывается в идеальную модель правового бытия в целом. Особую привлекательность этой модели придает ее гуманистический характер, отражающий характерную для отечественной философии права преобладающую тенденцию и крайне созвучный с современными правовыми процессами. Важно и то, что Вл. Соловьев, с его глубокой религиозностью и мистическими интенциями, имел пророческий склад ума, его идеи часто опережали свое время и имели прогностический характер. В исследовательском плане это является дополнительной мотивацией ретроспективного историко-философского анализа.

Нравственная природа преступления и наказания

Необходимость философского анализа феномена преступности Вл. Соловьев обосновывает с метафизических, методологических и нравственно-практических позиций. В целом учение о праве является органической частью его философии всеединства, базовым принципом которой выступает идея прогресса, как непрерывного движения к совершенству, захватывающего не только человечество, но и весь физический мир. В истории человечества этот прогресс приобретает нравственный характер перманентного продвижения к абсолютному добру,

которое находит свое безусловное выражение в Боге. Однако для Вл. Соловьева, как для диалектика, безусловное нравственное начало выступает в единстве себя и своего другого как синтез абсолютного и относительного. «Существование относительного, или несовершенного, как отличного от абсолютного Добра, есть роковой факт» [Соловьев, 1988, с. 441], и именно этот «роковой факт» делает необходимым право и придает ему метафизический смысл. По своей природе право в метафизике Вл. Соловьева есть промежуточная область между идеальным добром и злом действительностью, «служащая воплощению добра, ограничению и исправлению зла» [там же, с. 446]. Право, таким образом, имея высшую нравственную цель, не совпадает с нравственностью, последняя направлена на искоренение зла, тогда как право только ограничивает его. Свобода человека субстанциальна. Самосовершенствование имеет смысл только для нравственно свободной личности, а для этого, полагает Вл. Соловьев, необходимо, чтобы человеку «была предоставлена и некоторая свобода быть безнравственным» [там же, с. 453]. Свободный выбор человека между добром и злом не есть предмет права, в определенном смысле право позволяет людям быть злыми. Право вступает в силу и ограничивает свободу человека лишь тогда, когда его действия, побуждаемые злой волей, угрожают безопасности общества, ставят под вопрос само его существование. Как замечает Вл. Соловьев, «задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царство Божие, а только в том, чтобы он – до времени не превратился в ад» [там же, с. 454].

Философское рассмотрение права и методологический анализ его сущности показывает, таким образом, укорененность зла в действительном мире и, при сохранении свободы нравственного выбора, неизбежность существования в обществе преступников – людей, которые в силу разных причин противопоставляют зло добру настолько, что преступают закон, который, хоть и не уничтожает зло как таковое, но предназначен обеспечить, по известной формуле Вл. Соловьева, «минимум добра» в мире человеческих отношений. «...Во всех человеческих обществах всегда были, есть и до конца мира будут действительные преступники, т. е. люди со злою волей, настолько сильною и решительною, что они ее прямо практически осуществляют во вред своим ближним и с опасностью для целого общежития» [там же, с. 380]. Поскольку право в философии Вл. Соловьева органически вплетено в систему нравственного миропорядка, то и анализ феномена преступности несомненно принадлежит нравственной области. Главным в нравственно-практическом измерении преступности для Вл. Соловьева становится вопрос: «Как мы должны относиться к таким заведомо *лихим* людям?» [там же]. Проблема, следовательно, выносится, в том числе, в область пенитенциарной практики, ставящей, в свою очередь, вопросы о сущности, цели, организации исполнения наказания и о задействованных в этом процессе субъектах. Особую значимость вопросы, связанные с преступностью, приобретают еще и потому, что они, по мнению Вл. Соловьева, затрагивают всех, включая и тех граждан, кому не приходилось лично сталкиваться с преступлениями и преступниками. Само существование в обществе, как ее именует Вл. Соловьев, сложной «полицейско-судебно-пенитенциарной организации» предполагает, что каждый человек должен определить свое к ней отношение, а это, в свою очередь, зависит от того, как он относится к преступности и преступнику, прежде всего с нравственной точки зрения.

Для Вл. Соловьева, как христианского мыслителя, в основе решения вопроса отношения к преступнику лежит безусловное нравственное начало, выраженное в евангельских заповедях любви. Однако христианский альтруизм в его практическом применении сразу обнаруживает две проблемы: первая – как соединить любовь к преступнику с любовью к его жертве, вторая – как на деле, учитывая очевидную ненормальность нравственного состояния преступника, может

проявляться любовь к нему. Анализируя отношение к преступнику и его жертве, Вл. Соловьев различает в нем психологический и этический аспекты. Конечно, прежде всего жертва, как страдающая сторона, вызывает непосредственную жалость и побуждает стремление защитить обиженного, преступник же вызывает возмущение и негодование. Здесь надо заметить, что в системе нравственной философии Вл. Соловьева жалость не есть обычный сантимент, но наряду со стыдом и благоговением, рассматривается как то, что представляет «первичные данные нравственности», объемлющие всю область нравственных отношений. Жалость в человеке «есть индивидуально душевный корень должных социальных отношений» [там же, с. 51.]. Поэтому, если преступник не вызывает жалости, или иначе сострадания, то нравственное отношение к нему заведомо исключено, а сам он должен быть исторгнут из общества. Но это явно противоречит евангельским заповедям Христа. Вл. Соловьев поэтому не ограничивается простой констатацией очевидного факта жалости-сострадания, обращенного к жертве преступления, но предпринимает этический анализ этого чувства. Он показывает, что жалость к жертве непосредственно вызывается физическими и душевными страданиями человека, подвергшегося насилию, при этом душевные его страдания вызваны тем, что он переживает насилие как оскорбление и унижение своего человеческого достоинства. Человеческое достоинство есть всеобщее, по своему существу неотъемлемое качество человека, поэтому его ущемление в другом вызывает также отклик в душе стороннего человека, психологически проявляясь как жалость. Но в акте преступления человеческое достоинство оскорблено не только в жертве, одновременно оно порушено и в преступнике, который тоже должен быть «жалок в высшей степени». Конечно, Вл. Соловьев видит психологическое различие чувства жалости к жертве и преступнику, что находит также деятельное выражение в отношении к одному и другому: потерпевший имеет право на защиту, преступник – на вразумление. Однако нравственная основа здесь одна – «безусловное значение или достоинство человеческой личности, признаваемое нами в других так же, как в себе, причем происходящее при уголовной обиде двоякое нарушение этого достоинства – пассивное в обиженном и активное в обидчике, вызывает в нас нравственную реакцию, и сущность этой реакции при обоих отношениях одинакова, несмотря на различие и даже противоположность ее психологического проявления» [там же, с. 381]. Совершенное в преступном акте нарушение человеческого достоинства как со стороны жертвы, так и со стороны преступника, требует восстановления и в том и в другом – в этом Вл. Соловьев видит нравственный смысл уголовного процесса в целом и исполнения наказания в частности.

Обосновывая необходимость нравственного отношения к обеим сторонам преступления, Вл. Соловьев подвергает критике карательную практику уголовного наказания, в основе которой лежат правовые представления, объединяемые им под общим наименованием «доктрина отмщения». Ее сторонники признают только право потерпевшего на защиту и мщение, преступник при этом выступает лишь как бесправный объект возмездия. Такой подход к наказанию Вл. Соловьев квалифицирует как «варварский» и исторически изживший себя, односторонне удовлетворяющий интерес вовлеченных в преступление сторон – жертвы или общества, ничтожащий самого преступника и тем самым отказывающий ему в человечности. Но такое положение дел, по мнению Вл. Соловьева, противоречит нравственному принципу, сформулированному в категорическом императиве И. Канта – «поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своём лице, и в лице всякого другого также как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» [Кант, 1965, 270]. Он дает свою интерпретацию категорического императива применительно к специфической области уголовного права, в

котором отношение к преступнику получает нравственное обоснование: «Нравственное начало запрещает делать из человека только средство для каких бы то ни было посторонних целей (т.е. не включающих в себя его собственное благо); поэтому если мы, противодействуя преступлению, видим в преступнике только средство для защиты или удовлетворения потерпевшего лица или общества, то мы поступаем безнравственно, хотя бы нашим побуждением была бескорыстная жалость к обиженному и искренняя забота о безопасности общественной» [Соловьев, 1988, 398].

Структура и этапы уголовного наказания

При прочтении работ Вл. Соловьева может сложиться впечатление, что внимание в них чрезмерно акцентировано на личности преступника, его очеловечивании, его праве на гуманное отношение. На самом деле это не так. Оспаривая расчеловечение преступного лица, нравственно обосновывая его право на существование и нравственное возрождение, Вл. Соловьев последовательно проводит мысль о том, что нравственное начало одновременно требует реального противодействия преступлениям. Вл. Соловьев выступает последовательным и убежденным противником смертной казни. Критическому анализу этого вида уголовного наказания посвящена отдельная глава в работе «Право и нравственность. Очерки из прикладной этики» (гл. 4. «О смертной казни»). При этом он рассматривает преступление как многосложную структуру, включающую не только преступника и его жертву, но и общество в целом, поскольку, по его определению, право в своей сущности есть выражение равновесия личной свободы и общественного блага. Поэтому и противодействие преступлению, или, как уточняет Вл. Соловьев, наказание в широком смысле слова, должно быть многосторонним и определяется им как «правомерное средство деятельного человеколюбия, законно и принудительно ограничивающее внешние проявления злой воли не только ради безопасности общества и его мирных членов, но непременно также и в интересах самого преступника» [Соловьев, 1988, с. 402]. Каждая из трех сторон в наказании преступления должна получить свое удовлетворение и реализовать свое право: потерпевший имеет право защиту и вознаграждение, компенсирующее понесенный урон, общество имеет право обезопасить себя от лиц, преступающих установленный и охраняемый законом предел «минимума нравственности», преступник имеет право на восстановление поруганного в нем преступлением достоинства человека, т. е. на исправление.

В своей практической реализации противодействие преступлению, или у Вл. Соловьева наказание в широком смысле слова, есть совместное дело правоохранительных органов, или «полицейско-судебно-пенитенциарной организации» общества. Здесь важно понимать понятийную особенность употребления термина «наказание» в философско-правовых текстах Вл. Соловьева. Он использует его именно в широком смысле, включая в его содержание не только собственно наказание по приговору суда, но весь комплекс мер воздействия на преступника с момента совершения преступления. Этим объясняется, в частности, и тот факт, что Вл. Соловьев объединяет различные правоохранительные ведомства в один понятийный конструкт «полицейско-судебно-пенитенциарная организация», подчеркивая тем самым не только многоплановость наказания, но и его синтетический характер. Наказание в указанном смысле подразделяется на несколько последовательных этапов.

Первым шагом воздействия на преступника является временное лишение его свободы, имеющее практическое и нравственное назначение. Предварительная изоляция преступника

позволяет в практическом плане пресечь актуальное или потенциальное продолжение преступления и тем самым обеспечить безопасность как потерпевшего лица, так и других членов общества как потенциальных жертв преступника. Вместе с тем в нравственном отношении предварительное заключение важно и для самого преступника как «остановка в развитии преступной воли, как возможность опомниться и одуматься» [Соловьев, 1988, с. 403].

Следующий шаг связан с судебным разбирательством, которое определяет дальнейшую участь преступника. Здесь речь идет уже о доказанном и признанном в качестве такового событии преступления. Главный интерес Вл. Соловьева сосредоточен на характере и целевом назначении наказания, назначаемого по приговору суда преступнику. Его основная мысль состоит в том, что приговор суда не может заранее и окончательно предопределить меру наказания. Если исключить из наказания мотивы мести и устрашения, а в решаемые им задачи включить также исправление преступника, то наказание должно быть гибким и допускать возможные изменения в процессе его исполнения. Вл. Соловьев настаивает на индивидуальном подходе к наказанию преступника: «Справедливое и целесообразное наказание должно реагировать на данного преступника *in concreto*, т. е. на это живое личное существо, а не на случайный образчик того или другого рода, вида или подвида преступности» [Соловьев, 1914, с. 618]. Суд поэтому может только определить фактическую правовую сторону дела: установить факт виновности, степень ответственности преступника и степень его опасности для общества. Как пишет Вл. Соловьев, уподобляя преступления нравственной болезни, «суд может и должен сделать общий диагноз и прогноз данной болезни но предписывать бесповоротно способ и продолжительность терапевтического воздействия противно разуму» [там же]. Сам ход и приемы «лечения» нравственной деформации личности преступника должны определяться его действительным душевным состоянием, которое всегда индивидуально и в процессе воздействия на личность преступника может изменяться, вследствие чего могут и должны меняться характер и форма наказания, применяемая к нему. Но это уже не дело суда, для которого с завершением рассмотрения дела и вынесением приговора прекращаются отношения с преступником, а тех пенитенциарных учреждений, в ведение которых преступник передается после вынесения приговора и которые осуществляют действительный процесс наказания. Сам Вл. Соловьев подчеркивает новаторский для его времени характер высказанных им идей, которые, как он пишет, еще недавно могли бы показаться «неслыханной ересью». Начатки осуществления этих идей он видит в странах Запада, но не в России, ссылаясь на практику условных приговоров или сокращения сроков заключения в некоторых европейских странах. Действительно, условное наказание было введено «в 1887 г. в Англии, в 1888 г. – в Бельгии, в 1890 г. – в Италии, в 1891 г. – во Франции и т.д. В период с 1887 по 1905 г. этот институт был распространен почти во всей Европе, за исключением Швеции и Российской империи» [Куликов, 2017, с. 160].

Третий, завершающий и, по мнению Вл. Соловьева, главный этап наказания относится им к деятельности пенитенциарных учреждений. Заслуживающие обсуждения вопросы, связанные с пенитенциарной практикой, он видит в определении цели и содержания наказания, в оценке возможностей их реализации, как в отношении объекта наказания, так и в плане соответствия пенитенциарных учреждений решаемым в процессе наказания задачам. Как уже отмечалось, в наказании все три вовлеченные в преступный акт стороны – преступник, потерпевший и общество – должны обрести свой интерес. Осуждение преступника и помещение его в пенитенциарное учреждение самим этим фактом предотвращает развитие преступления и удовлетворяет интерес как потерпевшего, так и общества в целом в собственной безопасности,

поскольку преступник физически лишается возможности проявления своей злой воли по отношению к другим членам общества. Наказание также должно предусматривать меры, позволяющие компенсировать причиненный потерпевшему лицу материальный ущерб. В этой связи Вл. Соловьев полагает необходимым включение в наказание принудительного труда заключенных, доход от которого может использоваться на возмещение материальных потерь потерпевшего. Одновременно, по его мнению, труд оказывает и положительное воспитательное воздействие на осужденных. Собственно, в этих двух моментах – лишение свободы и принудительный труд – состоит содержание «нормального» наказания, которое одновременно решает целевые задачи, связанные с материальным и правовым интересом общества и потерпевшего. Что касается третьей стороны – самого преступника, то здесь цель наказания переходит в сугубо нравственное измерение. Вл. Соловьев категорически не приемлет физическое страдание как компонент карательной системы наказания: «По истинному понятию о наказании положительная его задача относительно преступника есть не физическое его мучение, а нравственное излечение или исправление» [Соловьев, 1988, с. 404]. Но правомочно ли общество исправлять преступника, и не является ли это насильственным вторжением во внутренний мир человека, в любом случае сохраняющего право на автономию душевной жизни? По мнению Вл. Соловьева, общество имеет право положительного воздействия на своих, как он говорит, «несостоятельных» и в определенном смысле «неполноправных» членов, к которым он, без сомнения, относит и преступников, однако такое положительное воздействие не должно быть насильственным навязыванием каких-либо правил морали. Исправление – сложный внутренний процесс перестройки личности преступника, который может протекать только как «самоисправление». Задача общества состоит не в намеренной ломке личности преступника, пусть даже и в благих целях, а в создании условий, способствующих «самоисправлению». Возникает и второй вопрос: можно ли говорить о возможности исправления любого преступника? И не дискредитирует ли отрицательный ответ на этот вопрос саму идею наказания как процесса духовного восстановления личности преступника? Вл. Соловьев допускает, что среди преступников есть неисправимые, закоренелые во зле личности. Однако, даже если это допущение верно, то никогда нельзя заранее с определенностью утверждать, что именно *этот* человек относится к категории неисправимых. А поэтому необходимо *всех* заключенных помещать в условия, благоприятствующие задачам исправления. Для этого сама пенитенциарная система должна претерпеть существенные изменения.

Отмечая несомненный нравственный прогресс в сфере уголовного наказания, проявившийся прежде всего в исчезновении откровенно жестоких применяемых к преступникам мер возмездия и устрашения, Вл. Соловьев, вместе с тем, отмечает, что в европейско-американских пенитенциарных системах все еще сохраняется неизжитое наследие прошлого: это и «варварские» виды уголовного наказания, такие, как смертная казнь, пожизненное заключение, каторжные работы и др., и бытующее в общественном сознании понимание процесса наказания как мучения, намеренно налагаемого на преступника, и соответствующая этому пониманию пенитенциарная практика. Преступление должно быть остановлено, а преступник наказан. Вл. Соловьев далек от идей непротивления злу насилем, в предисловии к «Праву и нравственности» он прямо противопоставляет свою позицию в области права правовому нигилизму и абсолютному морализаторству Л. Н. Толстого. В своих произведениях он дает философское обоснование нравственно оправданного применения разумного насилия. Естественным следствием преступления является ограничение преступника в его личных и имущественных правах. Однако, считает Вл. Соловьев, общество и государство

не только *берет* у преступника, но и имеет перед ним определенные обязательства, а именно «оно должно *дать* ему деятельную помощь в его исправлении и нравственном возрождении» [Соловьев, 1914, с. 621]. В перспективе тюремные заведения из карательных должны быть преобразованы в своего рода «нравственно-психиатрические заведения». В терминологической трактовке подобного наименования его, конечно, не следует понимать буквально; здесь надо учитывать как проводимые Вл. Соловьевым аналогии между преступлением и нравственной болезнью, наказанием и излечением, так и вообще присущую его стилю публицистичность.

С чего начинать реорганизацию уголовно-исполнительной системы от карательной к нравственно оправданной? Вл. Соловьев предлагает реформу сверху: «Первое и самое важное условие есть, конечно, то, чтобы во главе пенитенциарных учреждений стояли люди, способные к такой высокой и трудной задаче, – лучшие из юристов, психиатров и лиц с религиозным призванием» [Соловьев 1988, с. 405].

Заключение

Обращаясь к философско-правовому наследию Вл. Соловьева, важно рассматривать и оценивать его именно с философских позиций. Философия вообще отличается от частных наук тем, что рассматривает свой предмет с позиций должного, а не сущего, и в этом отношении уязвима для профессиональной критики. Вл. Соловьев – не юрист и не теоретик права, его идеи не могут быть использованы как практическое руководство, они скорее задают рамки некоего идеала, формируют философский проект, который полагает высшую нравственную цель как некоторую сверхзадачу, призванную организовать и направить все многообразие и сложности реальной практики. В учении Вл. Соловьева о наказании в качестве такой рамочной идеи следует, прежде всего, выделить философское обоснование необходимости и нравственной целесообразности принудительного характера права, в контексте которой мы находим нравственное оправдание насильственных мер, применяемых к преступнику в процессе исполнения наказания, таких как лишение или временное ограничение свободы и принудительный труд. Вместе с тем, в философии Вл. Соловьева нравственное оправдание насилия не исключает, а напротив, полагает гуманное отношение к преступнику. С одной стороны, насилию положен абсолютный предел – жизнь человека, с другой – оно трактуется не как самоцель, а как необходимое средство, применяемое для нравственного исправления преступника. Замечателен при этом нравственный оптимизм Вл. Соловьева, признающего право и возможность для каждого человека, даже совершившего страшные злодеяния, на восстановление утраченного в событии преступления человеческого достоинства. Наконец, в учении Вл. Соловьева проводится не только идея очеловечивания преступника, но и его антагониста – человека, обеспечивающего и сопровождающего исполнение наказания. В пенитенциарном проекте Вл. Соловьева в этот процесс вовлечены люди разных профессиональных сфер, которые в своей деятельности, в отличие от карательной системы наказания, выступают не слепыми орудиями возмездия, а проводниками идеи нравственного исправления преступника, выполняющими «высокую и трудную» общественно значимую задачу.

Библиография

1. Герашенко А.И., Герашенко И.Г. В.С. Соловьев о соотношении права и нравственности // *Studia Humanitatis*. 2018. № 3. URL: <https://st-hum.ru/content/gerashchenko-ai-gerashchenko-ig-vs-solovev-o-sootnoshenii-prava-i>

- pravstvennosti (дата обращения 07.12.2022).
2. Кант И. Основы метафизики нравственности // Соч. в 6-ти тт. М.: Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1. С. 219-310.
 3. Корнев А.В. В.С. Соловьев и Л.Н. Толстой: два взгляда на право и нравственность // *Lex russica*. 2021. – № 7 (176). С. 139-147.
 4. Куликов А.С., Чиркин К.В. Истоки условного осуждения в российской науке уголовного права до1917 года // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2017. № 4 (333). С. 158-175.
 5. Новгородцев, П. И. Идея права в философии Вл. С. Соловьева // *Об общественном идеале*. М.: Пресса, 1991. С. 525-539.
 6. Соловьев, В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соч. в 2-х тт. М.: Мысль, 1988. Т. 1. С.47-580.
 7. Соловьев, В. С. Право и нравственность. Очерки из прикладной этики // Соч. в 9-ти тт. СПб: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1914. Т. 8. С. 519-624.

The penitentiary idea in the moral philosophy of Vladimir Solovyov

Lyudmila V. Fiveiskaya

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Philosophy and History,
Vologda Institute of Law and Economics FSIN of Russia,
160002, 2-a, Shchetinina str., Vologda, Russian Federation;
e-mail: liudfiv@mail.ru

Abstract

The subject of this article is the basic principles of Vladimir Solovyov's doctrine of criminal punishment in the context of his moral philosophy of law. The moral substantiation of the society's attitude to the criminal is considered by Solovyov from the philosophical and theological positions. The article discusses the nature and types of punishment, analyzes their moral assessment. Solovyov believes that the main purpose of punishment is the correction of the criminal. He shows the unsatisfactoriness of the current practice of sentencing. Punishment should be carried out in stages and it must change during execution. In this regard, penitentiary institutions are considered by him as the main link in the implementation of the goals of punishment. The moral purpose of punishment makes it necessary to substantially reform of penitentiary institutions. In his teaching on punishment, Solovyov shows the main direction of the penitentiary reform and outlines its first steps. The main agent of penitentiary reform, in his opinion, should be highly qualified lawyers, psychologists and religious leaders. Only their joint efforts can turn the old punitive penitentiary system into a moral public institution. Philosophical analysis of Solovyov's doctrine of criminal punishment was carried out on the basis of his works "Justification for goodness. Moral Philosophy" and "Law and morality. Essays on Applied Ethics". This article is of interest to specialists in the field of history of philosophy, philosophy of law, theory of state and law, history of legal and political doctrines, and can also be used in the educational process.

For citation

Fiveiskaya L.V. (2022) Penitentsiarnaya ideya v нравstvennoi filosofii Vladimira Solov'eva [The penitentiary idea in the moral philosophy of Vladimir Solovyov] *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (6B), pp. 212-221. DOI: 10.34670/AR.2022.49.43.001

Keywords

Vladimir Solovyov, philosophy of law, law and morality, crime, criminal punishment, penitentiary practice, penitentiary reform, humanization of the execution of punishments.

References

1. Gerashchenko A.I., Gerashchenko I.G. (2018) V.S. Solovyev o sootnoshenii prava i npravstvennosti [V.S. Solovyov on the relationship between law and morality]. *Studia Humanitatis*, 3. Available at: <https://st-hum.ru/content/gerashchenko-ai-gerashchenko-ig-vs-solovev-o-sootnoshenii-prava-i-npravstvennosti> [Accessed 07/12/2022]
2. Kant I. (1966) Osnovy metafiziki npravstvennosti [Foundations of the Metaphysics of Morals]. *Soch. v 6-ti tt.* [Op. in 6 vols]. Moscow: Mysl'Publ/ Vol. 4. Ch. 1. pp. 219-310.
3. Kornev A.V. (2021) V. S. Solovyev i L. N. Tolstoy: dva vzglyada na pravo i npravstvennost' [V.S. Solovyev and L.N. Tolstoy: two views on law and morality]. *Lex russica*, No. 7 (176), pp. 139-147.
4. Kulikov A. S., Chirkin K. V. (2017) Istoki uslovnogo osuzhdeniya v rossijskoj nauke ugolovno go prava do1917 goda [The origins of probation in the Russian science of criminal law before 1917]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedeniy. Pravovedenie*, 4 (333), pp. 158-175.
5. Novgorodcev P. I. (1991) Ideya prava v filosofii Vl. S. Solovyeva [The idea of law in the philosophy of Vl. S. Soloyev]. In: *Ob obshhestvennom ideale* [On the social ideal]. Moscow: Pressa Publ, pp. 525-539.
6. Solovyev V.S. (1988) Opravdanie dobra. Npravstvennaya filosofiya [Justification for goodness. Moral Philosophy]. In: *Soch. v 2-kh tt.* [Op. in 2 vols]. Moscow: Mysl' Publ. Vol 1, pp. 47-580.
7. Solovyev V.S. (1914) Pravo i npravstvennost'. Ocherki iz prikladnoy etiki [Law and morality. Essays on Applied Ethics]. In: *Soch. v 9 tt.* [Op in 9 vols.]. SPb: Knigoizdatel'skoe tovarishhestvo "Prosveshhenie". T. 8, pp. 519-624.